

William Melvin Kelley

**A DIFFERENT
DRUMMER**

УИЛЬЯМ МЕЛВИН КЕЛЛИ

**ДРУГОЙ
БАРАБАНЩИК**

Москва
2019

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
К34

William Melvin Kelley
A DIFFERENT DRUMMER

Copyright © 1962 The Estate of William Melvin Kelley

Перевод с английского *Олега Алякринского*

Иллюстрация на переплете *Джессики Келли*

Келли, Уильям Мелвин.
К34 Другой барабанщик / Уильям Мелвин Келли ; [пер.
с англ. О. Алякринского]. — Москва : Эксмо, 2019. —
288 с.

ISBN 978-5-04-102934-0

Июнь 1957 года. В одном из штатов американского Юга молодой чернокожий фермер Такер Калибан неожиданно для всех убивает свою лошадь, посылает солью свои поля, сжигает дом и с женой и детьми устремляется на север страны. Его поступок становится причиной массового исхода всего чернокожего населения штата. Внезапно из-за одного человека рушится целый миропорядок.

«Другой барабанщик», впервые изданный в 1962 году, спустя несколько десятилетий после публикации возвышается, как уникальный триумф сатиры и духа борьбы.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-102934-0

© Алякринский О., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Большую часть того, что мои соседи называют хорошим, я в глубине души считаю дурным, и если мне стоит в чем-либо раскаиваться, так это в своей благопристойности. Какой бес в меня вселился, что заставляет меня быть столь благопристойным?

* * *

Если человек не шагает в ногу со своими спутниками, может быть, это оттого, что ему слышится какой-то другой барабанщик? Так пусть же он шагает под ту музыку, какую слышит, хотя бы и размеренную, хотя бы и отдаленную.

Генри Дэвид Торо

Когда написал книгу, особенно первую, загвоздка в том, что к своим двадцати трем годам ты уже обязан стольким людям, что не знаешь, кому же ее посвящать. Приходится сравнивать и вычеркивать. А это малоприятно, потому что очень многие были к тебе добры, и трудно сказать, кто из них проявил больше доброты.

Поэтому, хоть эта книга посвящается трем конкретным людям, я бы хотел поблагодарить всех остальных, кого все эти годы, а особенно с тех пор, как я начал ее писать, моя судьба заботила так сильно, что они считали своим долгом высказать, устно или письменно, свое мнение, которое я, правда, не всегда принимал в расчет.

И еще тех, кто время от времени говорил мне:

«А приходи-ка на ужин сегодня».

«Можешь переночевать раз-другой в моем доме».

«Хочешь, я перепечатаю пару страничек твоей рукописи?»

«Ну, отдашь, когда заработаешь».

Спасибо всем вам. Надеюсь, когда-нибудь я смогу лично выразить каждому свою благодарность.

А теперь посвящения:

Моей матери Нарсиссе (1906–1957), которая с присущей ей молчаливой отвагой бралась за любую работу, бросила вызов смерти ради моего появления на свет и победила.

Моему отцу Уильяму Мелвину-старшему (1894–1958), кто, когда я еще был слишком мал, чтобы это осмыслить, пожертвовал ради меня слишком многим, чтобы после этого вновь почувствовать себя счастливым.

МСЛ, кто в самый нужный момент даровал мне свою любовь, доброту и поддержку, сподвигнув меня серьезно заняться писательством.

Штат

Выдержка из «Краткого энциклопедического словаря» за 1961 г., стр. 643:

«...Юго-восточный центральный штат на Глубоком Юге, граничит на севере с Теннесси, на востоке — с Алабамой, на западе — с Миссисипи, а на юге омывается водами Мексиканского залива.

Столица: Уилсон-Сити. Территория: 50 163 кв. миль. Население (согласно предварительным данным переписи 1960 г.): 1 802 268 человек. Девиз: «С честью в сердцах и с оружием в руках мы готовы защищать свои права». Вступил в Союз в 1818 г.».

Ранняя история: Дьюи Уилсон

Хотя история штата богата и разнообразна, она главным образом известна как родина генерала Армии конфедератов Дьюи Уилсона, который родился в 1825 г. в Саттоне — небольшом городке, расположенном в 27 милях к северу от г. Нью-Марсель на берегу Мексиканского залива. Уилсон окончил военную академию Вест-Пойнт (выпуск 1846 г.), дослужился до звания полковника Федеральной армии перед началом Гражданской войны. После выхода штата из состава Союза в 1861 г. он подал в отставку и получил звание генерала Армии конфе-

дератов. Ему принадлежит основная заслуга в двух важнейших победах южан при ручье Бычий Рог и при ущелье Хармона, причем последняя битва состоялась менее чем в 3 милях от его малой родины. Его победа при ущелье Хармона пресекла новые попытки северян продвинуться к Нью-Марселю и захватить город.

В 1870 г., после возвращения штата в состав Союза, Уилсон стал его губернатором. Вскоре он выбрал место и инициировал строительство, а также, в значительной мере самолично, начертал проект нового капитолия, который ныне носит его имя. Оставив политическое поприще в 1878 г., вернулся в Саттон. 5 апреля 1889 г., сразу после торжественной церемонии открытия его 10-футового бронзового памятника, который благодарные жители Саттона воздвигли на главной площади города, с ним случился удар, и он скончался. Многие историки считают его самым выдающимся после Ли генералом Конфедерации.

Недавняя история:

В июне 1957 г. по пока не установленным причинам все негритянское население покинуло штат. В настоящее время это уникальный штат, так как он единственный в Союзе, среди населения которого нет ни одного представителя негритянской расы.

Африканец

Ну вот все и закончилось. Многие из тех, кто сидел, стоял или облакачивался на веранду продуктового магазина Томасона, еще в четверг побывали на ферме Такера Калибана, когда все это началось, хотя, за исключением, пожалуй, мистера Харпера, никто не думал, что это было началом чего-то. Всю пятницу и большую часть субботы они наблюдали, как негры Саттона с чемоданами или налегке толпились у дальнего угла веранды в ожидании ходящего раз в час автобуса, который должен был отвезти их по ту сторону хребта Истерн-Ридж, мимо ущелья Хармона, в Нью-Марсель, прямо на муниципальный железнодорожный вокзал. Из радионовостей и газет все уже знали, что Саттон — не единственный город, где случился этот исход, и что негритянское население всех больших и маленьких городов и поселков штата, воспользовавшись любыми наличными транспортными средствами, а кто и на своих двоих, добралось до границ штата и отправилось в Миссисипи, или Алабаму, или Теннесси, а кое-кто даже там остался (хотя большинство этого не сделали) и принялся искать себе работу и жилье. Все знали, что большинство негров не удовлетворятся

переходом через границы штата, а двинутся дальше, пока не доберутся до места, где им представится хотя бы малейшая возможность жить или умереть достойно, потому что все видели фотографии вокзала, заполненного чернокожими, которые запрудили и шоссе между Нью-Марселем, и Уилсон-Сити, и видели вереницы автомобилей, забитых неграми с пожитками, так что ни у кого не возникло сомнения: негры пустились во все тяжкие вовсе не для того, чтобы отъехать от обжитых мест на какую-то сотню миль. И все читали заявление губернатора: «Нам не о чем беспокоиться. Они нам никогда и не были нужны. Мы прекрасно без них обойдемся. И Юг прекрасно без них обойдется. Даже при том, что наше население сократилось на треть, мы сдюжим. У нас хватает хороших людей».

И всем хотелось в это верить. Все они еще никогда не жили в мире без чернокожих, чтобы знать наверняка, как это бывает. Но надеялись, что все будет в порядке, пытаясь убедить себя, что все уже закончилось, хотя и подозревали, что все только начинается.

Хотя все были свидетелями того, как это началось, в их городе события развивались с некоторым опозданием, ибо они не испытали еще ни негодования, ни горького разочарования и не пытались пресечь исход негров, подобно белым жителям других городков, считавших своим правом и долгом вырывать чемоданишки из черных пальцев или даже прибегать к рукоприкладству. Они были избавлены от обескураживающего открытия, что подобные жесты отчаяния бессмысленны, или же их лишали возможности выказывать праведный гнев: ми-

стер Харпер заставил их понять, что негров не стоит останавливать, а Гарри Лиланд дошел до того, что высказал идею, будто у негров есть полное право уехать — и вот теперь, во второй половине воскресного дня, когда солнце начало закатываться за плоские стены некрашенных зданий на той стороне шоссе, все повернулись к мистеру Харперу и в тысячный раз за эти три дня стали обсуждать, как вообще это все началось. Всего они знать не могли, но даже то, что им было известно, могло хоть отчасти дать ответ на главный вопрос, и теперь они гадали, были ли правдой слова мистера Харпера о «крови».

Мистер Харпер обычно в восемь утра появлялся на веранде, где в течение двадцати лет занимал свою позицию, сидя в кресле-каталке, древней и неудобной, как королевский трон. Он был отставной армейский служака, который поехал на Север в Вест-Пойнт, причем был направлен в Академию самим генералом Дьюи Уилсоном. В Вест-Пойнте мистера Харпера обучили премудростям ведения войн, участвовать в которых ему было не суждено: для войны между Севером и Югом он был слишком юн, на Кубе побывал уже много лет спустя после испано-американской войны и оказался слишком стар для Первой мировой войны, забравшей у него сына. Война не принесла ему ничего, но лишила всего, и посему тридцать лет тому назад он решил, что жизнь не стоит того, чтобы встречать ее стоя, коль скоро она раз за разом сбивает тебя с ног, уселся в кресло-каталку и стал взирать на мир с веранды, объясняя царящий в ней хаос мужчинам, каждый день чучковавшимся вокруг него.

И за все эти тридцать лет на глазах у всех он вылезал из своего кресла лишь единожды — в четверг, чтобы отправиться на ферму Такера Калибана. А теперь он вновь накрепко прирос к креслу, словно никогда и не покидал. Ветер слегка трепал его жидкие седые волосы, длинные, точно у женщины, расчесанные на прямой пробор, ниспадавшие по краям лица. Он сидел, сложив руки на небольшом, но видном брюшке.

Томасон, чей торговый бизнес едва тлел, отчего он редко появлялся в своем магазине, стоял позади кресла мистера Харпера, прижавшись спиной к грязному стеклу витрины. Бобби-Джо Макколам, самый юный в группе — ему едва исполнилось двадцать лет, — сидел на ступеньках веранды, упираясь ногами в сточную канаву, и курил сигару. Лумис, завсегдатай сборищ на веранде, восседал на стуле, откинувшись назад и слегка покачиваясь на задних ножках. Он некогда учился в университете на севере штата, в Уилсон-Сити, хотя его запала хватило только на три недели, и он считал выдвинутую мистером Харпером трактовку происходящего чересчур фантастической и чересчур упрощенной.

— Что-то я не больно верю в этот зов крови, — изрек он.

— А что же еще тут может быть? В чем же тогда дело? — Мистер Харпер обернулся к Лумису и прищурился, глядя на того сквозь свои седые космы. Он говорил не так, как остальные, — высоким надтреснутым, с придыханием голосом, четко выговаривая каждое слово, словно был уроженцем Новой Англии. — Учти, я же не из тех суеверных неучей и

не верю в привидения и тому подобную чепуху. Но, как я понимаю, тут дело в чистой генетике, все дело в особенном голосе крови. А если есть на свете кто-то, у кого нечто особенное в крови, — то это Такер Калибан. — Он понизил голос и продолжал почти шепотом: — Я знаю: что бы там у него в крови ни было, что-то такое, что до поры до времени пребывало в спячке, ждало своего часа и в один прекрасный день пробудилось и заставило Такера сделать то, что он сделал. Другой причины быть не может. Мы с ним никаких забот не знали. Но вдруг его кровь забурлила в венах, засвербела, и он начал... замутил эту революцию. А уж я знаю эти революции! Мы их изучали в Вест-Пойнте. С чего это я, как думаешь, счел важным встать со своего кресла? — Он поглядел на противоположную сторону улицы. — Все дело в крови Африканца. И точка!

Бобби-Джо сидел, подперев подбородок ладонями. Он не повернулся к старику, поэтому мистер Харпер не сразу осознал, что парень над ним потешается.

— Слышал я, что говорят про Африканца. Помню даже, кто-то мне рассказывал про него давным-давно. Но я что-то сейчас не вспомню, как все было. — А мистер Харпер рассказывал эту историю только вчера и много раз до этого. — Может, расскажете, мистер Харпер, и мы посмотрим, какое это имеет отношение ко всему, а?

Но тут до мистера Харпера дошло, что его подначивают, но ему уже было все равно. Он прекрасно знал, что, как полагали некоторые, он уже слишком стар и пора бы ему уже лежать в могиле вместо того, чтобы каждое утро появляться на веранде. Но он